

Филологические науки

УДК 811.111-26/316.776

EDN [SOVACA](https://www.edn.gov)

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2023-209-188-194>

ЭЗОПОВ ЯЗЫК ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В. Ю. Клейменова

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства выражения протестных настроений в ситуации культуры отмены. Введение модераторами сайтов цензуры вынуждает авторов комментариев выражать свое мнение иносказательно; интернет-пользователи становятся участниками языковой игры, в которой свободная импровизация участников сочетается с упорядоченной деятельностью, ограниченной институциональным началом. Используя единую структурно-семантическую модель построения текста, авторы комментариев формируют речевую маску, для создания которой используют отсылки к прецедентным текстам англоязычной культуры. Таким образом осуществляется карнавализация процесса интернет-коммуникации.

Ключевые слова: языковая модель, речевая маска, интертекст, языковая игра, культура отмены, комментарий

AESOPIAN LANGUAGE IN THE INTERNET COMMUNICATION

V. Yu. Kleimenova

Abstract. The paper deals with the linguistic means employed in the Internet communication to surface the negative voice. Due to the cancel culture, website administration may impose censorship, so people who do not support mainstream ideas have to express their point of view allegorically. Website users take part in the language game which combines elements of unlimited free improvisation and strict structure. They produce utterances which are made in accordance with the same syntactical and semantic pattern. By doing so, they choose to wear a verbal mask made of precedent text references, and this makes the internet communication resemble a carnival.

Keywords: language model, language mask, intertext, language game/play, cancel culture, comment

Пристальный интерес современных лингвистов к специфике языкового оформления высказываний в сети Интернет обусловлен тем, что в XXI веке повседневное общение с равной степенью интенсивности осуществляется в пространстве двух типов: реальном пространстве офлайн-коммуникации и виртуальном коммуникативном пространстве. Обмен репликами в чатах, написание комментариев представляют собой аналог обы-

денного неформального устного общения, в котором участники диалога делятся вербализованными результатами когнитивной деятельности. Целью данной статьи является выявление средств английского языка, которые в условиях жесткой цензуры объективируют протестные настроения интернет-пользователей при обсуждении кинотека. Достижение цели предполагает решение следующих задач: установление лексических

единиц, доказывающих социальную значимость проблемы расовых отношений; описание языковой модели построения иносказательных высказываний, объективирующих маску «восхищенный зритель», которая скрывает протестующее Я участников виртуальной дискуссии.

Принято считать, что Интернет — это воплощение культуры свободы, коммуникативное пространство, в котором каждый человек может открыто выражать свое мнение, не будучи скованным требованиями цензуры или идеологическими ограничениями [10]. Как писал М. Кастельс, использование Интернета усиливает испытываемое пользователями чувство личной свободы и собственной значимости [6]. Более того, попытка компании — владелицы социальной сети ограничить свободную коммуникацию может привести к резкому снижению числа пользователей, поскольку ее бизнес — это продажа свободного самовыражения и установление социальных связей [6]. Однако практика обсуждения насущных социальных проблем показывает, что в Интернете, так же как и в офлайн-коммуникации, свобода самовыражения может быть ограничена, и в ходе дискуссии, посвященной насущным проблемам общественной жизни, люди, которые не соглашаются с официальной точкой зрения, лишаются возможности свободно выразить свое мнение.

Одной из таких наиболее острых социальных проблем XXI века является переоценка традиционных расовых взаимоотношений. Изучение неологизмов позволяет утверждать, что англоязычный социум в значительной мере озабочен этой проблемой. По мнению А. Вежбицкой, «разработанность словаря, несомненно, представляет собой ключевой показатель специфических черт различных культур» [2, с. 30], кроме того, высокая частотность номинативных единиц тоже доказывает важное значение называемых денотатов для данной культуры.

Лексическая система современного английского языка отражает результаты общественного познания в сфере межрасовых отноше-

ний, так как в ее состав входят номинативные единицы (неологизмы и квазинеологизмы), репрезентирующие расовый аспект разнообразных коммуникативных практик: blind casting, cancel culture, critical race theory, diversity, race relations, racial chasm, racial justice, racial profiling, whitewashing, woke и т. д. Семантическое поле «преодолей свою белизну» («to overcome your whiteness») также представлено многочисленными устойчивыми словосочетаниями нефразеологического характера: to overcome white racial identity/whiteness/white fragility, to cure oneself of whiteness, to deconstruct/heel/escape one's whiteness. Более того, сторонники теории расовой справедливости (racial equity) разработали глоссарий для тех, кто еще недостаточно проникся их идеями. Они предлагают собственное толкование таких понятий, как racism, white supremacy, white privilege, race, etc. [14].

Значимые или широко разрекламированные культурные события могут послужить стимулом для активного обсуждения проблемы межрасовых отношений в сети Интернет. Так, 10 сентября 2022 года компания Disney анонсировала выход на экраны ремейка фильма «Русалочка» («The Little Mermaid») и выпустила тизер новой версии сказки, заглавную роль в которой исполняет юная американская певица и актриса Холли Бейли. В соответствии с тенденцией расовой справедливости продюсеры изменили расовую принадлежность Русалочки, сделав ее темнокожей, однако это решение не понравилось многим будущим зрителям полнометражной версии и вызвало жаркую дискуссию в комментариях к трейлеру [15]. Видео посмотрели 9,5 млн пользователей сети, из которых лайк поставили 346 тыс. человек, а дизлайк — 1,2 млн, то есть практически каждый восьмой зритель [9]. Поскольку такая позиция потенциальных адресатов кинотекста противоречит официально провозглашенной в США борьбой за расовую справедливость и преодоление белизны, администрация канала YouTube и компания Disney подвергли цензуре раздел «Комментарии» и стали удалять все отрицательные

отзывы: «When this video first came out people started to give a lot of criticisms, so Disney started to delete it» [15]. Таким образом, декларируемая свобода интернет-коммуникации оказалась попоранной — авторы «неправильных» комментариев столкнулись с проявлением культуры отмены (cancel culture), то есть такой разновидности бойкота, при которой человек подвергается остракизму, если высказанное им мнение показалось обидным некоторой части сообщества.

В описанной ситуации обмена мнениями о новом фильме бурная коммуникативная реакция протестной аудитории на запрет свободы выражения мнения была мгновенной и изящной. Участники интернет-дискуссии прибегли к Эзопову языку как средству выражения запретной точки зрения и опубликовали многочисленные комментарии, созданные по единой языковой модели — персонажам «Русалочки» приписывалось произнесение легко узнаваемых реплик или совершение действий, которые принадлежат семантическому пространству различных прецедентных текстов (кинотекстов, мемов и т. д.): «... a bunch of similar positive comments started to appear saying ‘I love when Ariel did this’ ‘I love when they’ve done that’ etc.. so instead of saying what they meant, they started to play along by saying they loved something that isn’t there, to mock/protest» [15]. Таким образом, авторы комментариев удачно обошли цензуру, не отказываясь от собственного мнения.

Рассматриваемая виртуальная дискуссия, в которой актуализация культуры отмены лишает многих интернет-пользователей возможности открыто сформулировать свою позицию по обсуждаемой проблеме, приобретает сходство с карнавалом в трактовке М. М. Бахтина [1, с. 12–15]:

- карнавал, как и процесс выражения оценки кинотекста в интернет-пространстве, «не созерцают, в нем живут»; любой человек, просматривающий комментарии, оказывается вовлеченным в действие, поскольку может в соответствии со своими интенциями включиться в обмен мнениями и превратиться из читателя в автора;

- как «карнавал не знает пространственных границ», так и мир виртуальной коммуникации не подвластен географическим разграничениям, поскольку участвовать в обсуждении можно, находясь в любой точке земного шара;
- во время карнавала люди живут «только по законам карнавальная свободы», игра и жизнь сливаются в единое целое, «сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью». Автор комментария также становится участником языковой игры, то есть добровольно участвует в занятии, «которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но, безусловно, обязательным правилам, с целью, заключающейся в нем самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также «инобытия» в сравнении с «обыденной жизнью»» [11, с. 54]. Лингвокреативная деятельность, направленная на порождение высказывания в условиях виртуальной коммуникации, представляет собой сочетание свободы и необходимости, то есть сочетание (1) свободной импровизации участников и их неконтролируемого фантазирования («paidia» в терминах Р. Кайуа [4, с. 52]) и (2) упорядоченной деятельности участников, ограниченной институциональным началом («ludus» в терминах Р. Кайуа [4, с. 52]). Каждый комментарий создается по описанной выше модели, следовательно, автор творит в условиях относительной свободы импровизации. Структура текста регламентирована, что ограничивает свободу самовыражения и является проявлением игры-ludus; а лексическое наполнение структурных элементов, в свою очередь, вариативно, что вносит в игровой процесс элемент paidia, так как выбор одного из возможных вариантов определяется авторской интенцией, особенностями его вокабуляра, коммуникативной компетенцией и лексическими предпочтениями;

- во время карнавала все считались равными, «человек возвращался к себе самому и ощущал себя человеком среди людей», появлялся «вольный фамильярный контакт между людьми». В интернет-коммуникации возникла новая форма, особый тип общения, в основе которого лежит декларируемое равенство авторов комментариев. Однако в рассматриваемой коммуникативной ситуации, в случае, когда модераторы нарушают принцип равенства и начинают диктовать правила общения, авторы комментариев вынуждены включиться в лингвистическую игру, цель которой — выражение протеста и насмешки. Для изложения собственного мнения они прибегают к эзопову языку и, следуя установке на «изменение лица», «надевают» маску восхищенного зрителя.

Символика маски многогранна. Так, в народной культуре маска связана с переходами, метаморфозами, она воплощает игровое начало жизни, ее неисчерпаемость и многоликость [1, с. 46–47]. В литературно-художественном творчестве маска создает образ другого человека и сообщает, что его можно подвести под некую общую или частную категорию [3, с. 333–334]; в романтическом гротеске — «что-то скрывает, утаивает, обманывает», приобретает мрачный оттенок [1, с. 46–47]. Авторская маска — это отдельная научная проблема (см. исследование О. Ю. Осьмухиной [8], рассмотрение которой не входит в задачи данной статьи).

При анализе комментариев в интернет-коммуникации маску нельзя рассматривать в ее ницшеанском толковании, то есть как следствие стыдливости и желания скрыть истинный облик, как «способ уклонения от общительности» [7, с. 272]. Здесь, скорее, речь идет о мимикрии, о стремлении сохранить собственную индивидуальность путем переноса игрового поведения в виртуальную реальность. Поэтому представляется эвристически плодотворным обратиться к понятию «речевая маска», которое М. В. Шпильман определяет как особый тип коммуникативной стратегии, «в основе которой лежит чужой

языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на закреплённом в сознании носителей языка представлении о том или ином типе коммуникантов» [12, с. 78].

Имитируя чужое речевое поведение, недовольный зритель меняет лингвистические средства, используемые в узусе для выражения несогласия и критики, на те, которые принадлежат отраженному в его языковом сознании обобщенному социальному типу «восхищенный зритель». Для того чтобы вербально фиксировать собственное протестующее Я, авторы создают тексты комментариев, языковая модель которых включает в себя следующие элементы:

1. Имя существительное *the part*. Анафорический повтор обеспечивает когерентность при восприятии комментариев разных авторов, придает им статус равно значимых фрагментов крупномасштабного информационного целого.

2. Отсылка к тизеру как интертексту. Автор комментария использует грамматическую основу предложения, в котором подлежащее выражено именем персонажа сказки, которому приписывается произнесение той или иной фразы / совершение действия (чаще всего это Ариэль, иногда Урсула или Себастьян), а сказуемое — глаголом говорения *says/said*.

3. Маркированная цитата. Это информационная доминанта высказывания, которая активизирует когнитивную деятельность участников коммуникации, так как эксплицитно интертекстуальную отсылку к прецедентному тексту англоязычной культуры, то есть тексту значимому для языковой личности «в познавательном и эмоциональном отношении», известному «широкому окружению личности, включая ее предшественников и современников» [5, с. 216]. Большинство авторов комментариев цитирует культовые кинотексты, такие как:

- «Апокалипсис сегодня» («*Napalm, son. Nothing else in the world smells like that.*

I love the smell of napalm in the morning (здесь и далее примеры приводятся в формулировке, представленной на сайте YouTube [15]. — В. К.)»,

- «Властелин колец» («There taking the Hobbits the Isengard», «What about second breakfast?»),
- «Во все тяжкие» («Jesse, we need to cook», «I am the danger, I am the one who knocks»),
- «Звездные войны» («it's over Anakin, I have the high ground», «That's no moon! That's a space station!»),
- «Парк Юрского периода» («They do move in herds...», «We're gonna make a fortune out of this!»),
- «Спасти рядового Райана» («i'll see you on the beach»),
- «Форрест Гамп» («life is like a box of chocolates», «Run Forest Runnn!!!»),
- «Челюсти» («we're gonna need a bigger boat»), и т. д.

Преобладание художественных фильмов в роли прецедентных текстов объясняется их принадлежностью к тому же текстотипу, что и интертекст.

Кроме того, встречаются отсылки к:

- мемам («it ain't much, but it's honest work», «“Die potato!” The potato responded, “Not today!”», «it's Morbin' time»),
- лозунгам (феминистский лозунг «My body, my choice!»),
- компьютерным играм Гундам («Take this! my love, my anger, and all my sorrow»), GTA: San Andreas («Two number 9s, a number 9 large, a number 6 with extra dip, a number 7, two number 45s, one with cheese, and a large soda»), Skyrim («Hey, you're finally awake. You tried to cross the boarder, right?»).

4. Выражение индивидуальной оценки тизера. Автор комментария использует как эксплицитные средства выражения оценки (слова, у которых сема оценки входит в интенционал лексического значения), так и имплицитные (слова и устойчивые словосочетаниями, у которых сема оценки входит в импликационал лексического значения). Эксплицитно оценка объективируется сло-

восочетаниями, созданными по модели «лексическая единица, выражающая положительную оценку + имя существительное movie: truly an inspiring movie!, an unforgettable piece of movie, definitely a movie. Структурным вариантом данной модели являются эллиптические словосочетания, в которых имя существительное movie опущено: truly a masterpiece, very stunning and brave, truly (awe) inspiring, truly extraordinary. Однако в контексте комментария, когда персонажу приписываются слова, которые были произнесены в другом фильме или меме, ярко выраженная положительная оценка воспринимается как несоответствующая реальности, как порождение нежизнеспособного вымысла. Эмоционально окрашенные интенсификаторы (definitely, truly, very) повышают экспрессивность высказываний.

Кроме вышеперечисленных эксплицитных средств выражения индивидуальной оценки кинотекста тизера, авторы комментариев используют также и имплицитные средства, прежде всего номинативные единицы тематической группы «физические ощущения / действия, вызванные сильными эмоциями»: had me in chills / gave me chills, sent goosebumps / shivers down my spine, made my knees buckle, made me cry like a baby, brought tears to my eyes, made me cry goosebumps, made my goosebumps cry, made me tear up, truly touched my heart и т. д. Необходимо отметить оценочную амбивалентность перечисленных выражений, поскольку озноб, мурашки, безутешные детские слезы, дрожь в коленях могут быть вызваны как положительными, так и отрицательными эмоциями. Следовательно, обозначая данными устойчивыми словосочетаниями свое эмоционально окрашенное отношение к увиденному, автор комментария прежде всего подчеркивает интенсивность испытываемых чувств; отрицательная оценка предмета сообщения — ремейка классического фильма — в данной коммуникативной ситуации является контекстуальным приращением смысла. Отрицательная оценка есть результат интерпретации текста, которая представляет собой «толкование со-

держательной информации и раскрытие глубинного смысла текста; присвоение текста как принятие или отторжение читателем «Чужой» (авторской) системы ценностей, прямо или косвенно представленной в тексте» [13, с. 89].

В рассматриваемой ситуации интернет-коммуникации цель лингвистической игры состоит не столько в развлечении и получении удовольствия, сколько в выражении протеста против официальной позиции канала. Следовательно, будет правомерно определять функцию поведенческой, «культурно-бытовой» (Ю. М. Лотман) маски «восхищенный зритель» как манипулятивно-прагматическую. С одной стороны, автор выражает свое протестное мнение, и его понимают остальные участники процесса коммуникации, включая модераторов, с другой — использование определенных языковых средств не дает модераторам формального повода для удаления «неправильных» комментариев.

Таким образом, каждый пользователь сети Интернет, вступая в языковую игру и созда-

вая собственный текст комментария, в котором он выражает свое протестное мнение, последовательно опознает и заново формирует речевую маску «восхищенный зритель». В процессе речемыслительной деятельности участник интернет-коммуникации читает ранее созданные комментарии, декодирует скрытую информацию, идентифицирует источник цитирования и создает новый текст, используя реконструированную модель построения комментария, в соответствии с которой приписывает персонажу киносказки произнесение узнаваемой цитаты из прецедентного текста. Благодаря этому, эмоционально выраженная положительная оценка тизера воспринимается как ложное высказывание, не соответствующее фикциональному миру «Русалочки», и формируется впечатление о том, что показанный в тизере исполнитель роли заглавного персонажа не соответствует традиционному миру данной сказки. Многократное повторение комментариев, созданных по данной модели, обеспечивает кумулятивный эффект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. М.: Языки славянских культур, 2007. 792 с.
4. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Кастельс М. Власть коммуникации. 3-е изд. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. 564 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону Добра и Зла. Прелюдия к философии будущего // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 270–298.
8. Осьмухина О. Ю. Феномен авторской маски в первой трети XX столетия: культурные практики и методологические подходы // Филологические исследования. 2016. Т. 15. С. 73–92.
9. Трейлер новой «Русалочки» от Disney на YouTube получил 1,2 млн дизлайков // Overclockers, 12 сентября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://overclockers.ru/blog/RaddaR/show/74638/trejler-novoj-rusalochki-ot-disney-na-youtube-poluchil-1-2-mln-dizlajkov> (дата обращения 08.11.2022).
10. Тукаев Т. И. Свобода в интернете: исторический аспект // Челябинский гуманитарий. 2009. № 3 (9). С. 66–70.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Азбука-классика, 2007. 384 с.
12. Шпильман М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 78–82
13. Щирова И. А. Значение и смысл, понимание и интерпретация (к уточнению сложных понятий) // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации: сборник статей к юбилею доктора филологических наук, профессора Новеллы Александровны Кобиной. СПб.: ЛЕМА, 2010. С. 87–94

14. Okunola A., Sanusi T. Racial equity: 12 key words & phrases to know and understand in this moment // Global Citizen, 4 February 2022. [Online]. Available at: <https://www.globalcitizen.org/en/content/racial-equity-equality-key-words-phrases/> (accessed 18.12.2022).

15. The Little Mermaid. Official Teaser Trailer // YouTube. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0-wPm99PF9U> (accessed 08.11.2022).

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa*. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 s.

2. Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 288 s.

3. Ivanov V. V. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. T. 4: Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 792 s.

4. Kajua R. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury*. M.: OGI, 2007. 304 s.

5. Karaulov Yu. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'*. 7-e izd. M.: LKI, 2010. 264 s.

6. Kastel's M. *Vlast' kommunikatsii*. 3-e izd. M.: Izdatel'skij dom VShE, 2020. 564 s.

7. Nitsshe F. *Po tu storonu Dobra i Zla. Preljudiya k filosofii budushchego* // *Sochineniya: v 2 t. T. 2*. M.: Mysl', 1990. S. 270–298.

8. Os'mukhina O. Yu. *Fenomen avtorskoj maski v pervoj treti KhKh stoletiya: kul'turnye praktiki i metodologicheskie podkhody* // *Filologicheskie issledovaniya*. 2016. T. 15. S. 73–92.

9. Trejler novoj "Rusalochki" ot Disney na YouTube poluchil 1,2 mln dizlajkov // *Overclockers*, 12 sentyabrya 2022. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://overclockers.ru/blog/RaddaR/show/74638/trejler-novoj-rusalochki-ot-disney-na-youtube-poluchil-1-2-mln-dizlajkov> (data obrashcheniya 08.11.2022).

10. Tukaev T. I. *Svoboda v internete: istoricheskij aspekt* // *Chelyabinskij gumanitarij*. 2009. № 3 (9). S. 66–70.

11. Khejzinga J. *Homo loudens. Chelovek igrayushchij*. SPb.: Azbuka-klassika, 2007. 384 s.

12. Shpil'man M. V. *Ob osobennostyakh ispol'zovaniya yazykovoj lichnost'yu raznykh tipov rechevykh masok* // *Ural'skij filologicheskij vestnik*. 2012. № 3. S. 78–82

13. Shchirova I. A. *Znachenie i smysl, ponimanie i interpretatsiya (k utocnениyu slozhnykh ponyatij)* // *Kognitivnaya lingvistika: mekhanizmy i varianty yazykovoj reprezentatsii: sbornik statej k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Novel'ly Aleksandrovny Kobrinoy*. SPb.: LEMA, 2010. S. 87–94

14. Okunola A., Sanusi T. Racial equity: 12 key words & phrases to know and understand in this moment // Global Citizen, 4 February 2022. [Online]. Available at: <https://www.globalcitizen.org/en/content/racial-equity-equality-key-words-phrases/> (accessed 18.12.2022).

15. The Little Mermaid. Official Teaser Trailer // YouTube. [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0-wPm99PF9U> (accessed 08.11.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КЛЕЙМЕНОВА Виктория Юрьевна — *Victoria Yu. Kleimenova*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: 5518-1738, ORCID: 0000-0001-7529-9957, e-mail: victoria.kleimeova@yandex.ru

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии.

Поступила в редакцию: 21 января 2023.

Прошла рецензирование: 28 июня 2023.

Принята к печати: 15 сентября 2023.